

Занятие №26-27.

Отец в семье кубанских казаков: статус и функции.

Батько, папа, папаша, папашка – эти термины являются основными для обозначения отца в кубанской казачьей традиции. К примеру, некоторые жители линейных и закубанских станиц, для противопоставления казачьей традиции иногородней, упоминают употребление в семьях иногородних термина – «тятя». Однако наиболее широко в казачьей среде применялся термин «батька».

Институт семьи для кубанского казачества явление позднее, особенно это касается черноморских казаков, наследников запорожской казачьей традиции. Запорожцы, в большинстве своем, не связывали себя узами брака в Сечи. Тем не менее, своеобразное «искусственное» отцовство присутствовало. Тот кто вступал раньше в Сечь, имел преимущество перед вступившими позже, поэтому последний называл первого «батьком», первый последнего «сынком», даже если «батьку» было 27 лет, а «сынку», например сорок. Термин «батька» использовался и как термин социального характера. Например, батьки – родители/семья, батько - атаман: «Запорижський козаченько/ Ны пье, ны гуляе./ Своего ж пана кошевого/ Батьком называе».

Статус отца/батьки был очень высок в кубанской традиции, что являлось проявлением важных ролей главного и основополагающего члена семьи – в деле воспитания детей, хозяйственно-экономического положения, сохранения и передачи знаний в области системы ценностей, хозяйствования, обрядовых комплексов. От отца зависело не только экономическое положение семьи, но и её статусное положение в обществе: «[Хороший отец] пример семьи ва всех атнашениях. Как в работе, так и в семейнам быту. Хороший атец – эта зеркало семьи». Высокий статус отца был подчеркнут во внутрисемейных отношениях, например, при обращении к мужу - жена называла его по имени и отчеству, все же члены семьи обращались к батьке на «вы», жена была обязана мыть ноги мужу и т.д. Наиболее показателен в плане высокого статуса отца по отношению к матери рассказ Терехова А.П. (1905 года рождения) казака родом из станицы Новоалександровской: «Идётся старик, ну, я ево знал. Падходить: «Ну, как аца звать?». Я рассказал всё. «А матерю?». А хто знать, как матерю звать? Мама – да и всё. Ну, с ацом я больше вращался как-та. «Ну, я аттудава буду иттить, узнай, как матерю звать!». Я: «Мам, как тебя звать?». И я вот только с таво, после встречи деда, узнал, што мать Машка. А то мама, да и всё» .

Казачьи большие семьи на Кубани включали в себя уже женатых представителей нескольких поколений по мужской линии. Однако, в отличие от крестьянских больших семей, в которых рождение ребенка это угроза достатку семьи и прибавление забот, в казачьих семьях прибавление нового члена семьи в экономическом плане воспринималось как важное событие, особенное если новорожденный был мальчиком («кармилиц», «казак», «хазяин», памошник»), так как на каждого члена семьи мужского пола выдавался земельный пай: «за сынами гнались боле». Тяжело было в тех семьях, в которых рождались лишь девочки, отсюда и возникло устойчивое выражение – «навозная куча»: «У нас земли нэ було. Нас пять у матери дочек, адин был надел батьки. Тада ш на девчат не давали земли»; «А бывають таки, шо если девочка, то кажуть: «Це не наша, не казацька. Ось як сын – це нш. А це такэ... циганська»; «Их було пять сестер, а одын дядько – це було для казака гибель»[х]. В большой семье было несколько отцов, однако все подчинялись основателю рода, старшему - хозяину: «Двацать две души. И сыны жили жанатые, пака отец живой был. Атец помер, тада уже воля ихняя, разбежлись усе. А так же и в других [семьях]»; «И деды и бабки, и племяники, и племяницы жили. Радители были негодными –

бабушка была слепая, дедушка никудышный с ногами. А папаша был во главе». В случае смерти отца, его место занимал старший брат, и тогда большая семья становилась братской, или семьи делили наследное имущество. Хозяина в казачьих семьях (по роли и функциям) можно соотнести с крестьянским «большаком», однако отличительной чертой будет являться тот факт, что хозяин не мог быть переизбран (при болезни, физической немощи, неумении вести хозяйство) как «большак». При нерадивости хозяина, его безответственном поведении, пьянстве, в казачьей традиции практиковались иные методы воздействия, например, станичные общества могли временно выслать такого хозяина из станицы для исправления его поведения.

Подчинение «старшему отцу» (а именно так можно назвать главу большой семьи в контексте рассматриваемой темы), патриархальные семейные устои, следование правилу «делай, как делал батька» - все это отражалось и в обществе: «Обычай же их [жителей станицы Дядьковской], во многих их поступках и упрямом фундаменте, которого не в силах поколебать ни какие доводы Писания; говорят так: «Наши диды, батьки и мы робыли, нэхай и дети наши так роблять»».

Во многом, бытование больших семей на Кубани обуславливалось не только по хозяйственно-экономическим причинам. Естественно, что если один из мужчин уходил на военную службу, то потеря рабочих рук в таких семьях ощущалась не так существенно. Но, военная служба, которая была так важна для казака, и являлась одним из столпов казачьей культуры, могла принести не только пользу для семьи (повышение статуса семьи на уровне станичного общества в случае награждения казака или его роста по службе). В случае гибели казака, в большой семье роль отца в воспитательном процессе могли выполнять другие мужчины. Они же оказывали и экономическую поддержку сиротам и вдове. Малые семьи, гибель кормильца переживали более сложно и в экономическом и в социальном плане. Несмотря на то, что станичное общество выделяла так называемых опекунов для вдов (кстати, статусное положение опекунов было выше, так как ими были наиболее хозяйственные и отзывчивые казаки), и помогало в экономическом отношении (напр., из общественного фонда выдавалось зерно), отца же для детей заменить никто не мог. Это проявилось на социальном уровне детей-сирот: «Сукин сын Безбатченко – як называлы казаки нас, сират казака. Наш батько – казак, и дедушка казак. И вот нас называлы: «От сукины сыны Безбатченки». Поки мы выросли, тада перестали нас называть».

Важнейшей ролью мужчины-отца в казачьей семье являлась хозяйственно-экономическая. Существовало четкое распределение обязанностей и работ по половому признаку. Разделение работ на мужскую и женскую определялось и пространственными факторами. Так, мужскими считались работы, распространяющиеся на подворье и за пределы «своей» территории, женские – на дом, огород. Мужчина пахал, сеял, заготавливал корма, рубил лес, ухаживал за скотом (при этом в большей степени это касается лишь волов и лошадей), изготавливал орудия труда и т.д.[...] Такое разделение труда отразилось и в фольклоре: «Без хозяина двор плачет, а без хозяйки хата». Ни при каких условиях, мужчина не выполнял такие виды работ, как приготовление пищи или уборка дома (даже если жена была больна или в отъезде): «Вроде как пазор был, мушина будет работать женщины работу»; «Дед с казаков, он щитає тока сваю работу мушскую, а вот к маёй работе он не касаєца. Ани, казаки, так и делали. Ну, накосить сена, дров запастись, дастать кармов. А вот как я кармлю, как я паю, как я сматрю в гароде – эта я сама. И скатина – ухаживали женщины, и даили, и паили, и кармили, и чистили. [...] А казаки – эта казаки». Однако, казак при переходе из гражданского мира в войсковой, и вынужденной нередко длительной «изоляцией» его от дома и семьи, был связан с выполнением тех видов работ, которые в гражданской жизни считались сугубо женскими (ремонт и стирка одежды, приготовление пищи и т.д.. Выполнение несвойственных для женщины работ, в некоторых случаях, так же могло вызывать неодобрение

со стороны всего общества: «У нас вот помню, слава на всю Махошевку – Донько. Он служил, то есть как служил, ево брали на сборы, там на месяц или на два, ва время уборки сенакоса – ево нет. Он на сборах. А сенакос падашел. А сыны ешо не бальшие, ну лет на тринацать самому старшему было, а там и меньше. Так ана сама, сама на всю Махошевку – узьяла косу и касила. Так уся Махошевская, старики разгаваривали: «Доньчиха касила!». Эта на удивленье было!».

По мере роста семьи, роль отца как главной рабочей силы, изменяется. Взрослые сыновья берут на себя все тяготы по хозяйству, а отцу остается лишь распределять обязанности и осуществлять контроль за выполнением работ: «Еси муж е, и у мужа есть атец, то он щитался хазяином. А тада детей падберёт и тада не работаит, а этат как сторож – атец»; «Ну, пока малый – под крылом, а потом уже под гнётом батькы». По фамилии отца – основателя рода и одновременно главы большой семьи нередко назывались края в станицах: Кучериновка (Кучеренко), Бугаевка (Бугай) и т.д. По имени отца могли обозначать членов семьи: Иванчиха – жена Ивана, Матвейчики – дети Матвея и т.п.

Отец в казачьей семье был не только хозяином, но и учителем. Наиболее показательна в этом плане пословица: «Як батько робыв, так и тэбэ учив». Но, отцовское воспитание касалось лишь мальчиков, и имело определенные возрастные рамки. В раннем возрасте ребенка, казак-отец не только не вмешивался в воспитание ребенка, но и не помогал жене по уходу за ребенком, что закреплялось в некоторых формах поведения: «Бывалоче не вазьмет на руку, пазор. Кака теперича, ана идёт, а он несёт. Эта был пазор шо несет»; «Атцам всю дарогу некада. Атцы то туда, то сюда... На руки када вазьмут. У меня дед не брал – стеснялся. Идем же, ему было совестно ити с дочерью: «На неси». И даже не хател иттить рядом – шо я несу дочь на руках»; «Отцы и не видели детей [маленьких]»; «Папы у нас казаки. Папы не занимались детьми». Но при этом, для отца основной задачей было вырастить сына-казака-хозяина. Так, уже младенцу отец мог подарить жеребенка: «Як родывся сразу жеребеначка оставяють харошева и выкармливають, выхажують ево. Вин ево приручае, с ним работае и идэ на дийствительную с этай, са сваим канём». Примерно с 7-8 лет начиналось обучение: «Када падрстет, тада уже атец начинаит приучать и то, и то, ну, шо сам делаить, то и заставляить». До этого времени, ребенок лишь подражал главе семьи: «Там дэ стари, там и эти – мали»; «Батько идэ на конюшню, до конэй и идэшь слидом. Корову утром управлять – сино нэсэ. Батько там набрал рэптух или корзину, нэсэ сино и хлопец – а ты взяло там жмэню, так тоже нэсло же ш кормыть. И: «О сынок, молодец. Молодец сынок! О казак ростэ!».

Отец мог следить и за свободным временем детей: «Атец их, шоп ани [дети] ниде не брадьяничали, берёт лашадей, запрягаить, едить на Псекупс. Там рыбку ловять. А уже спать хочут – фуражу накосил, на бричку их паложил, укрыл. А сам сидить с удачкой. Толька шоб не хадили нигде, не брадили». Если отец сам шел на рыбалку или охоту то детей мог и не брать: «Не тягались раньше дети за следом» – однако в среде пластунов, чья служба требовала особой смелости, выдержки и смекалки нередко с десятилетнего возраста мальчики могли сопровождать своих отцов в их походах по плавням и лесам в роли михоноша.

По мере того, как ребенок вырос, обучение принимало более сложный хозяйственный характер. Мальчики, под присмотром отца, помимо своих уже вмененных обязанностей – кормление скота, выпас, присмотр за лошадьми, работа «погоньчями», начинали овладевать навыками хлеборобства, учиться азам народных знаний. Помимо обучения хозяйствованию, мальчики обучались в школе, где осваивали грамоту и основы военного искусства: «Дедушка-покойник гаварил: «Ани и так вумные девки, а хлопцы - учица». Военная направленность подготовки парней прослеживается на всех уровнях, в том числе и семейно-бытовом: «Учи

казачьего сына на коня садится да с татарами биться». Естественно, что все навыки отца, его нравственные качества, привычки и многое другое во многом переходило сыновьям: «Еси атец хороший, то и сын будя хороший», «Якэ дерево, такой и тын, який батько, такой и сын». Показателен и тот факт, что во многих семьях именно отец водил детей в церковь, обучал молитвам: «А до цэрквы каждую нэдилю. Пять душ нас, батько за руки забэрэ и, далэко до цэрквы, вэдэ до цэрквы»; «Бывало зазвонют на утреню. «Дети вставайте, уже утреню звонють, пайдемте да утрени». От эта устаем все без разговору, устаем, убирают нас, наряжают и духами пабрызгает папа и пашли мы в церкву».

Высокий статус отца/батьки в семье являлся основополагающим и в этикете. За столом отец занимал главенствующее место - в Святом углу под иконами: «Ели с одной чашки, деревянными лошками и чтоб не стукали. Во главе стола сидел отец, шоб тихо, никада ни смеху. Покушали тагда идите все, перекрестились, молитву прочитали [...]. Рядом с отцом сидели сыновья, а снохи прислуживали». Отец резал хлеб, заранее перекрестив его, читал молитву за столом, первым начинал есть и первым выходил из-за стола. Наказание детей за неправильное поведение детей за столом (смех, разговоры и др.) – удар ложкой по лбу – также обязанность и право отца. За капризы ребенок мог быть вообще изгнан из-за стола: «Знай время йисты».

При отце запрещено было курить: «Женатый может, отслужил – может закурить. В армию идэ, пэрву сигарету батька даст прыкурить, а до армии ни».

В свою очередь отец, для поддержания авторитета в семье, строго повиновался строгим поведенческим нормам. Например, это касается мата/«черняка»: «Я ныколы нэ бачив шоб батько заматюкався, при внуках, пры дитях своих. Та ты шо! Стыдоба какая».

Беспрекословное подчинение отцу-хозяину всех членов казачьей семьи являлось важнейшей характеризующей чертой, что отразилось в фольклоре: «Як батько сказав, так и будэ»; «Отец сказал – закон». Именно последнее, главное слово в разрешении важнейших проблем семьи оставалось за отцом.

Все заработанные семьей деньги, обычно, отдавались и хранились у отца. Жена не могла их тратить на что-либо без разрешения мужа. Чаще всего покупки делались родителями сообща на базаре или ярмарке: «Сам сын штобы пакупал – не было этава. Атец с матерю видять каму што». Также на отце лежала обязанность снарядить сына-казака: «[Отцу] казака нужно справить, ему на службу нужно справить. Нужно купить лошадь, купить всё снаряжение: карабин, шашку, кинжал, бурку. И эта все с общева двара. Никто не пратистовал, ни браты, никто. Эта ани уже закладали, эта как вроде атец распаряжаеца неприкаснавеным запасом. Как справил, эта уже все, тада с нево [отца] ничево не требовали». Казачье обмундирование стоило дорого, и поэтому нередкими были случаи, когда отец практически не только разорял все свое хозяйство (продавал весь скот, орудия труда, сдавал землю в аренду и т.д.), дабы снарядить сыновей, но и вынужден был влезать в долги, оказываясь тем самым в полной нищете на длительный срок. Чаще всего деньги в долг он брал из казны станичного общества, и если у него было несколько сыновей, то была возможность получить некоторые льготы по выплате.

Важная роль отца в казачьей семье подчеркивалась и системой наказаний/поощрений. Наказание – это необходимое средство при воспитании. Детям с детства внушали, что наказание неотвратно и необсуждаемо. В большинстве случаях, за небольшие провинности и проступки-«шкоды», право наказания оставалось за матерью - она могла отстегать хворостиной, нашлепать, поставить на колени и т.д. Отцовское наказание всегда было более жестким, хотя и не всегда влекло за собой

физического воздействия: «Быть нэ будэ батько, но еси вин будэ с тобой балакать, то подумай, у другой раз подумаешь: «Да лучше ты мэнэ отпоров, як ото це воспытывать». Нэ то шо боялысь. Вин так начина рассказывать, як нада. А ты ш обещал вроде. Ну, и боялысь и уважалы. Больше уважалы родителей... Ну, побье батько, нычего страшново нэ зробит. А слухалы и уважалы»; «У нас, мой атец, пример, он только глянет на нас – мы уже знаем. Он нас и не бил, да только сказал – мы уже всё»; «Мама нас была [била]. Папа – ни одну дытыну пальцем не тронул никада». Интересен в плане рассмотрения наказаний отрывок из беседы П.Е.Грек 1909 г.р. из хутора Греки Калининского района: «Мучалы нас батькы, так мы знали робить, шо ево надо зробить. А як нэ послухаешь батько, або брата – эгэээ! Та цэ и стыдно и совестно. А тэпэр нэма того. Умэрло. Умэрло тэ. Утопылося. Нэма уже его. Нэма ни стыда, ни гриха, ни совесты, ни жали». Наказание физическое применялось отцом при самых тяжких проступках, например, потеря скота, подвергнуть свою или чужую жизнь опасности, воровство, многократное нарушение запрета. В этих случаях применялись вожжи, ремень, кнут/ногайка. Уже повзрослев, наши информаторы не только не осуждают такие наказания, но и считают их справедливыми и действенными. Хотя при этом необходимо отметить, что в большинстве случаев отец наказывал лишь сыновей, дочери же оставались под присмотром матери, в связи с чем, у многих информаторов – женщин (а именно они составляют большинство среди интервьюированных), отец отложился в памяти как ласковый и добрый. Это же отражено и в песенном фольклоре: Батько добрый, батько добрый/ А маты лихая./ Ны пускае, ой на улыцю,/ Бо щей молодая. Но, если девушка наказывалась отцом, то запоминала это на всю жизнь: «Одын едыный раз он меня кнутом ударыл. Я запомныла, пока умру – не забуду. Так дуже ударив кнутом, як стёгнэ со всэй сылы. От я аж як гадюка звылась. А почему? Я заработала. Лошади у нас булы, кабылы абои, було па лашонку у аох и папа йиздыл. И адна матка ужасна былася. Боже упасы до нэй пидыйты. Да вона як лягнэ, так нэ ни с кем. И вот лашонок сосе, я зализла в полубарки и дывлюсь як лашонок сосэ. Ни дай бы Бог малейшее движенье – вона же ш меня убыла тамочки. Так вин як хватил за руки видтиля, як дёрнэ, вытанул. А у нёго кнут в руках. А вин як свиснул тим кнутом. Каже: «Нэ надо лизть. Я тэбэ вдарыл – так ты жива осталась. А як бы ты там булла, тэбэ б кобыла убыла»».

Поощрение в казачьей семье со стороны отца чаще всего выражалось в «добром слове» - в похвале: помощник, казак и т.д. Реже это выражалось в подарках (новая ложка, ткань, конфеты) или игрушках (кстати зачастую сделанных руками отца) -«коньках», «шаблях» и т.д.

Возраст сына и его семейное положение не являются причинами, по которым отец не мог наказать сына физически. Вот пример того, как, будучи уже прадедом отец наказывал своего сына: «У меня дедушка был инагда бывала де-та там задержница да пазна или выпьет рюмачку. Приходит дамой, бабушка нашумит на нево. А он адин рас на бабушку паднял голас. А дети сразу пабежали к деду, прадеду нашему. Прибегают: «Дедушка, дедушка! А што-та наш папаша на мамашу кричит!». Эх, этат дед бежит с нагайкай. Прибегаит: «Ты што тут сукин сын кричишь на Федору? А ну-ка падставляй спину!». Он падставил спину, он ево плёткай рас, второй, третий раз. «Бей! Ты атец мой!»-«Сматри, еси ты еще раз на Федору падымишь шум я тебе задам!»».

Наказание взрослого сына могло быть связано с его «отделением». Отец мог не дать практически ничего для хозяйства сына, однако для подобного исхода дел требовалось весьма веские обстоятельства, например – оскорбление родителей (ср. щедровка, в которой говорится о том, что одна душа «...отца й нэньку та й налаяла...» и тем самым тяжко согрешила, не выпускается из «пэкла»[lv]): «Кто отца оскорбит – осудит народ, кто мать оскорбит – нищим умрет». Серьезным проступком сына/дочки считался брак без родительского благословения и отказ жениться/выходить замуж при венчании, тогда: «...слышаться грозные приговоры со стороны

стариков, которые обвиняют родителей, что они не умеют держать детей в повиновении и в ежовых рукавицах: «Хороший родитель спустил бы три кожи, так сразу выбил бы всю дурь у девки или парня»».

Вообще «отделение», и определение - сколько и что давать «отделяющемуся» - это прерогатива отца. В большинстве случаев отец старался дать сыну все (дом, скотина, орудия труда, семенной фонд) для самостоятельной жизни. Тем не менее, несмотря на самостоятельность, сыновья обязаны были помогать батьке управляться с оставшимся хозяйством. «Отскочившие от отцов» - то есть отделившиеся малые семьи, нередко оказывались в тяжелом экономическом положении, и тогда на помощь приходили как родители, так и все станичное общество.

Несмотря на жесткий порядок в семье между отцом и женой конфликты не были редкостью. Однако они редко выходили за рамки семьи, и родители старались избежать огласки, например: «Ну, шо там батько з маты – это уже ихнее. Он нам: «На пичь и сыдыть нэ высовывайся, нэ выглядай»». В больших семьях конфликт разрешался двумя способами – либо конфликт рассматривался на общем сборе семьи, либо глава семьи, изучив причины, наказывал одну из сторон. Конфликты могли доходить и до побоев, но при этом станичное общество крайне негативно относилось к подобным явлениям, например, такого казака не могли выбрать в атаманы: «Если он ругался с женой гаварили: Если он в семье не может жить харашо, так как же он в станице управлять будет?»».

Глава семьи, помимо того, что он принимал важные решения в хозяйственной деятельности, решал и вопросы, связанные с судьбой каждого из членов семьи. В отношении сыновей это и их «отделение», отдача на обучение ремеслу (кузнечное, гончарное, столярное дело), отправка в высшие учебные заведения. Для девушек – это в первую очередь благословение на брак. Также лишь отец мог принять решение об усыновлении, это явление было широко распространено в казачьей среде. Именно поэтому считалось: «Не те мать, отец, кто родил, а те, кто вскормил, вспоил, да добру научил». Приемный член семьи наделялся всеми теми же правами, обязанностями, как и все остальные, а также имел такие же права при разделе наследованного имущества.

Статус семьи в казачьей станичной общине в первую очередь зависел от отца. Наиболее уважаемые казаки, так называемые «казаки-домохозяева», избирались «выборными», т.е. представляли интересы нескольких кварталов на станичном сходе. Высоким статусом обладали казаки ветераны, конвойцы, хорошие стрелки и джигитовщики, кулачники. Кроме этих групп, выделяются казаки, обладающие такими индивидуальными качествами как песельники, так называемые балагуры (умеющие «кругло» говорить – то есть уметь заинтересовать беседой, шутить, вести свадьбу и т.д.). И естественно, что особый статус был у казаков-ремесленников (кузнецов, шорников, сапожников, портных). Нередким случаем для того времени было и то, что один казак одновременно мог быть представителем нескольких статусных групп.

Начиная с 20-х годов XX века начинается разрушение казачьих устоев как общинных так и семейных. Расказачивание, раскулачивание, насильственная коллективизация, голод 33-37 –го годов, а затем и Великая Отечественная война - все эти события истории унесли сотни тысяч жизней мужчин - казаков. Безотцовство стало бичом того времени. Был уничтожен огромный пласт соционормативной культуры являющийся важнейшим механизмом традиции. Иными словами кубанское казачество осиротело. Это привело к тому, что роль женщины-матери-казачки в воспитании, хозяйственной деятельности, общественных отношениях многократно возросла, но заменить отца для ребенка она так и не смогла.

